

Влияние социально-экономических и экологических изменений на использование охотничьих ресурсов автохтонным населением Арктики*

**Владимир Валерьевич
АНУФРИЕВ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 109
E-mail: vvanufriev@yandex.ru

**Галина Викторовна
МИХАЙЛОВА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 109
E-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru

**Руслан Александрович
ДАВЫДОВ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 109
E-mail: nordhistory@mail.ru

**Станислав Борисович
КИСЕЛЕВ**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, Менделеевская линия, д. 5
E-mail: stak0607@list.ru

* Работа выполнена в рамках утвержденной ФАНО России темы № АААА-А17-117122990042-2 «Экологические и социокультурные факторы сохранения биоразнообразия и традиционного природопользования на Европейском Севере и в Арктике».

Для цитирования: Влияние социально-экономических и экологических изменений на использование охотничьих ресурсов автохтонным населением Арктики / Ануфриев В.В., Михайлова Г.В., Давыдов Р.А., Киселев С.Б. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 171-181. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.11

For citation: Anufriev V.V., Mikhailova G.V., Davydov R.A., Kiselev S.B. Impact of socio-economic and environmental changes on the use of hunting resources by the autochthonous population of the Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 171-181. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.11

Аннотация. Состояние и возможности использования охотничьих ресурсов имеют важное культурное и социально-экономическое значение для коренного населения Севера, влияют на безопасность проживания людей на малозаселенных арктических территориях. В статье рассмотрен исторический опыт организации и правового регулирования охоты как вида хозяйственной деятельности в Архангельской губернии в XIX – начале XX в., приводятся количественные и стоимостные характеристики добываемых населением охотничьих ресурсов. Представлены результаты социологических опросов охотников Ненецкого автономного округа и Архангельской области в 2015–2016 гг. Обобщены данные о состоянии популяций охотничьих животных, являющихся объектами добычи людей на арктических территориях. Охотничий промысел в Архангельской губернии наиболее развит был в Пинежском, Печорском, Мезенском уездах; до конца XIX века государством почти не ограничивался. Предполагалось, что малое число охотников (менее 3% населения губернии) не могут нанести невосполнимый урон ресурсам охотничьих животных. В настоящее время в Архангельской области и Ненецком автономном округе ведется любительская и спортивная охота, развивается охотничий туризм. Количество зарегистрированных охотников составляет около 4% от общего числа жителей этих территорий. Охотничьи ресурсы добываются чаще для собственного потребления. Добываемые гуси и утки для четверти респондентов становятся в течение нескольких дней в году основной едой в их семьях. Для сельских жителей занятие охотой обусловлено как базовыми потребностями (добыча пищи), так и социокультурными целями (продолжение семейной традиции, образа жизни). Для горожан охота является преимущественно их любимым увлечением. Развитие охотничьего туризма, по мнению 1/3 части респондентов, не несет выгоды местному сообществу. Численность охотников и их специализация определяются организационно-правовыми условиями и возможностями сбыта продукции охоты. Усиливается проблема недоиспользования одних видов охотничьих ресурсов и риски истощения других.

Ключевые слова: арктические территории, социально-экономические условия, природно-климатические изменения, рациональное природопользование, автохтонное население, охотничьи ресурсы, туризм.

Введение

Состояние и использование охотничьих ресурсов тесно переплетаются с общими проблемами охраны окружающей природной среды и социального развития. Поддержание популяций хозяйственно-значимых млекопитающих и птиц, сохранение исчезающих видов является целью и результатом развития общества в рамках определенной системы экологических запретов и императивов. Степень и характер вовлеченности людей в природопользование определяет различия в их представлениях относительно экологически необходимых и социально приемлемых подходов к охране природы. В современном мировом сообществе не прекращается дискуссия по поводу занятия охотой: «на примере резко различного отношения людей к охоте на зверей и птиц, которую одни прославляют, а другие яростно проклинают, можно видеть, сколь неоднородны наши взгляды на экологическую этику» [1].

Процессы урбанизации и перемещения деятельности человека в виртуальную сферу имеют тенденцию все больше отчуждать людей от природы. Деструктивные изменения традиционного сообщества охотников несут угрозу утраты их знаний и опыта природопользования как важной составляющей культуры и механизма адаптации к меняющейся природной среде. В исследованиях в странах Европы и в США отмечается сокращение численности охотников, способных обеспечивать контроль над численностью диких животных [2, 3]. В России на фоне постепенного возрастания численности населения страны, занимающегося любительской охотой, фиксируется снижение охотничьей активности населения за счет зарегистрированных охотников, которые редко или вообще не охотятся в течение календарного года, сокращается численность профессиональных охотников [4, 5]. В современном обществе

охота становится активным видом отдыха, меняются социальная структура сообщества охотников, их отношение к природе и интересы к занятию охотой [6, 7, 8, 9]. Повышается значимость мер по сохранению традиций охоты в сельских районах, где это занятие остается частью образа жизни населения [3, 10], а также по формированию социальных механизмов приобщения заинтересованных групп населения к занятию охотой в целях управления экосистемами [10, 11].

В современной структуре сообщества охотников выделяют следующие группы: (1) сельские жители, олицетворяющие традиционных охотников, чей интерес к охоте сформирован в семье; (2) жители городов с сельскими корнями, так называемые сельские переселенцы, (3) охотники, чье представление и увлечение охотой сформировано и поддерживается СМИ, социальными сетями; (4) охотники, мотивированные желанием принести пользу посредством регулирования экосистем; (5) последователи определенного образа жизни и заинтересованные в потреблении натуральной продукции охоты; (6) жители с окраины городов, имеющие мотивы охоты характерные для других групп [9]. Приведенная типология отражает различия групп охотников по месту жительства, по отношению к традициям охоты, по доминирующим интересам. Ресурсная составляющая охоты в данном случае не учитывается, хотя можно предположить, что структура и объемы добычи охотничьих ресурсов для выделенных групп охотников могут существенно различаться.

Охота является одним из видов традиционного природопользования коренного населения, проживающего на Севере России, имеет важное культурное и социально-экономическое значение [12]. Согласно результатам недавних опросов коренных малочисленных народов Севера, самой большой значимостью обладает именно сохранение всех традиционных форм хозяйствования, в том числе охоты, поскольку они остаются основой существования [13]. Добыча охотничьих ресурсов здесь продолжает основываться на принципах натурального хозяйства, когда охота является для самих охотников источником продукции, используемой для внутрисемейного потребления [14]. На арктических территориях, отличающихся малона-

селенностью и транспортной труднодоступностью, охота играет особую роль в обеспечении безопасности проживания людей. Не утрачивают актуальность мероприятия по контролю численности хищных животных, волков, оказывающих влияние на поголовье домашних северных оленей. Прекращение в 1990-е годы организованного охотничьего промысла песца и лисицы стало одной из причин осложнения эпизоотической ситуации по бешенству в Ненецком национальном округе в наши дни [15].

Использование ресурсов животных и правила ведения охоты выходят за локальные рамки региональных проблем и в последние десятилетия находятся на арене международных интересов. В 2008 году Россия ратифицировала Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных и, таким образом, ввела запрет на использование «ногочахватывающих» капканов. В результате двадцатилетней деятельности в России Международного фонда защиты животных (IFAW) в 2009 году внесены изменения в правила рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна, запрещающие добычу детенышей гренландских тюленей. В настоящее время выдвигаются требования по присоединению России к международной межправительственной структуре по охране афро-евразийских мигрирующих водноболотных птиц (AEWA). Наряду с редкими видами птиц под действие Соглашения попадают птицы, численность которых достаточно велика, на которые охотятся в разных странах в пределах их пролетного пути [16]. Вероятным последствием принятия данного международного соглашения станет введение в России запрета на весеннюю охоту.

Постановка природоохранных задач исходя из приоритетов экополитики всеобщего, мирового значения призвана обеспечить последовательность и прогнозируемость экологических действий, сопоставимость результатов принимаемых решений с глобальными тенденциями. Вместе с тем в настоящее время не существует глобального управления в отношении использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Каждая международная организация создает, по сути, автономный режим управления как в отношении природных ресурсов, так и в отношении международных эколо-

гических проблем [17]. Решения по отдельно взятой экологической проблеме принимаются, как правило, в условиях отсутствия достаточных научных сведений и твердых знаний о причинной обусловленности явлений и процессов. Недостаточно прорабатываются вопросы компенсационных мероприятий для групп населения зависимых от природопользования.

На территориях, где сохранились черты традиционного природопользования, где законодательные акты противоречат традициям, потребностям локальных сообществ, возникают массовые нарушения устанавливаемых правил, то есть создаются не работающие нормы права [18]. Использование охотничьих ресурсов на основе единых унифицированных правил, вне учета экономической и социокультурной ситуации, встречают сопротивление, если входят в конфликт со сложившимися нормами поведения и привычками сообществ. Институционализация социокультурных особенностей территорий в качестве перманентного элемента природоохранной деятельности, то есть применение социокультурной методологии [19], является базовым принципом природоохранного управления, посредством которого должно реализовываться международное право государства на использование природных ресурсов для целей развития и обеспечения нужд своих граждан.

Целью данной работы выступает выявление влияния социально-экономических и экологических условий на возможности реализации интересов автохтонного населения в сфере использования охотничьих ресурсов в Арктике (на примере Арктической зоны Европейского Севера России).

Методы и материалы

В исследовании применен междисциплинарный подход к пониманию сущности охоты как вида хозяйственной деятельности и природопользования автохтонного населения в настоящее время и в исторической ретроспективе; что она выполняет для населения арктических территорий, как развивается в изменяющихся социально-экономических и экологических условиях. Реализация заявленного подхода обеспечивается применением историко-генетического метода при изучении исторического опыта организации и правового регулирования охоты

в России вообще и на Европейском Севере в особенности в XIX – начале XX в.; социологических методов для анализа мнения населения, занимающегося охотой; мониторинга состояния охотничьих ресурсов.

Для характеристики добычи охотничьих ресурсов населением Архангельской губернии в XIX – начале XX в. использовались документы из фондов Государственного архива Архангельской области и публиковавшиеся в 1870-х–1910-х гг. «всеподданнейшие отчеты» архангельских губернаторов императору, приложения к ним, обзоры Архангельской губернии, отчеты Архангельского губернского статистического комитета. Анализируются содержащиеся в указанных документах сведения о количестве людей, занимающихся охотой, количестве добытых животных и «пар птиц»; выручка от промысла в рублях. Отметим, что в указанный исторический период сбор сведений от охотников осуществлялся методом опроса населения чиновниками, затем собранные сведения обрабатывались сотрудниками Архангельского губернского статистического комитета и Канцелярии архангельского губернатора.

Для анализа современной ситуации был применен метод вторичного анализа материалов экспертных интервью по вопросам регулирования охоты и опросов по социально-экологическим аспектам добычи ресурсов мигрирующих птиц. В том числе использовались материалы 26 экспертных интервью, проведенных в 2015 году среди представителей органов власти и действующих предприятий, заинтересованных в развитии туризма лиц, опытных охотников и местных жителей села Несь Ненецкого автономного округа. Также использовались материалы опросов среди жителей сельских поселений Ненецкого автономного округа и города Мезень Архангельской области в 2016 году. В опросе приняли участие 236 охотников, в том числе 145 сельских жителей и 91 горожанин. Для отбора респондентов применялся метод «снежного кома», то есть поиск респондентов, занимающихся охотой, осуществлялся с помощью уже опрошенных. Состояние охотничьих ресурсов рассматривалось на основе имеющихся данных о динамике численности и качественных изменениях в структуре животных и птиц, являющихся объектами добычи людей на арктических территориях.

Результаты

Российское законодательство, регулировавшее охоту как вид хозяйственной деятельности, до 1892 г. почти не ограничивало ее на территории Архангельской губернии. Предполагалось, что малое число охотников, рассредоточенных на больших пространствах губернии, не могут нанести невосполнимый урон эксплуатируемым ими биоресурсам. В тот период Архангельская губерния была самой большой по площади губернией Европейской России, включавшей в себя значительные территории современных республик Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областей, Ненецкого автономного округа.

Охота не составляла «исключительного занятия» какого-либо уезда или отдельной местности. Она была наиболее развита в Пинежском, Мезенском, Печорском уездах. Постепенному падению интереса к охоте в губернии способствовало увеличение год от года объема лесозаготовок, развитие лесопильной и деревообрабатывающей промышленности, уменьшение площади лесов вообще и на прилегающих к населенным пунктам территориях. Работы на лесозаводах становились более привлекательными для населения в сравнении с другими видами деятельности из-за своей более высокой доходности. По данным за 1913 год охотниками губернии было добыто зверей на сумму 180,1 тыс. рублей. В числе добытых 94,9 тыс. особей зверей указывались белки (59,9 тыс. шт.), горностаи (21,5), песцы (3,9), а также лисы, куницы, медведи и «прочие лесные звери». Добыча учитываемых в парах птиц составила 509,6 тыс. пар – рябчики (369,4 тыс. пар), куропатки (60,9), тетерева (41,5) и «прочая лесная и водяная птица» (37,8). Согласно данным статистической отчетности, в целом по губернии выручка от добычи птиц была сопоставима с выручкой от добычи зверей и составила 187,7 тыс. рублей. Значительная часть всех доходов от охоты в губернии приходилась на охотников Печорского уезда (3,9 тыс. чел.) и в том же 1913 году составила 144,9 тыс. рублей. В отличие от других уездов большая часть доходов здесь была получена от добычи зверей (114,4 тыс. руб.), а не от добычи птиц. Усредненное значение дохода от охоты в расчете на одного охотника этого уезда составило 37,5 рубля за год (для сравнения: аналогичные

показатели дохода от рыбных промыслов достигали почти 60 руб.)¹.

Общее число охотников Архангельской губернии в конце 1990-х – 1910-х гг. менялось, максимальных значений оно достигало в 1891 г. и 1913 г. (соответственно 13,0 и 12,7 тыс. чел.), минимальных – в 1893 г. и 1915 г. (6,2 и 6,6 тыс. чел.). Доля охотников в предвоенный 1913 год составляла 2,7% от числа жителей губернии. Резкое сокращение количества охотников в 1893 и 1915 гг. было обусловлено не эколого-биологическими, а социально-политическими факторами².

Уменьшение количества охотников в 1915 г. относительно предыдущего 1914 года было вызвано мобилизационными мероприятиями в связи с вступлением России в Первую мировую войну. Сокращение количества охотников в 1893 г. нуждается в более подробном пояснении. В начале 1892 г. в России были «высочайше утверждены» и введены в действие «Правила об охоте»³. Этот документ был коротким, предельно общим, мало учитывающим специфику окраин империи. В нем содержались формулировки, допускавшие неоднозначное толкование. Статья 18 «Правил об охоте» полностью запрещала использование самоловов (петлей, силков, капканов и пр.) при охоте на боровую дичь. Применение ее на практике в Архангельской губернии вызвало резкое недовольство действиями властей у охотников, членов их семей. Столичные разработчики «Правил» не учли, что использование простых и дешевых в изготовлении самоловов в Архангельской губернии было гораздо более распространено, чем охота с применением огнестрельного оружия, требующая больших денежных затрат. Полицейские чины, на которых отныне возлагалась задача по преследованию виновных в охоте традиционными способами, были не способны выполнить свои обязанности из-за того, что районы промыслов значительно удалены от на-

¹ Обзор Архангельской губернии за 1913 год. Архангельск, б.г. II, 238 с.

² Обзор Архангельской губернии за 1915 год. Архангельск, б.г. [III], С. 6-7; Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1893 год. Архангельск, 1894. [III], С. 26-28.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. №№ 8215–9216 и дополнения. СПб., 1895. С. 81-82. № 8301.

селенных пунктов. В «Правилах об охоте» также не учитывалась ситуация на внутреннем рынке России, где устойчивым и возрастающим спросом пользовалось не только мясо, но и перо птицы: «чистая» дичь, т.е. давленная, не запачканная кровью, ценилась дороже стреляной. Не были предусмотрены наказания для скупщиков дичи, правовых и организационных процедур конфискации дичи, ее хранения, реализации. В результате статистические показатели, характеризующие добычу боровой дичи и количество охотников в Архангельской губернии, сократились в 1893 г. и последующие несколько лет. Вместе с тем имеются также свидетельства массовых нарушений правил охоты; скупщики дичи по-прежнему доставляли на ярмарки десятками возов рябчиков и куропаток, в том числе незаконно добытых⁴. Лишь в 1900-х годах ситуацию с поспешным и непродуманным введением в 1892 г. «Правил об охоте» удалось нормализовать серией мероприятий властей – стимулированием покупки дешевых ружей и боеприпасов, их настойчивым распространением среди охотников⁵.

В настоящее время охота на территории РФ регулируется Федеральным законом «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» (2009) и Правилами охоты, утверждёнными приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ (2010). Особенностью этих нормативно-правовых актов является их связь с законами РФ, гарантирующими права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также населения, проживающего в местах традиционной хозяйственной деятельности этих народов. Так, в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера кроме общераспространённого перечня объектов животного мира, отнесённых к охотничьим ресурсам, к охотничьим ресурсам также отнесены гагары, бакланы, поморники, чайки, крачки, чистиковые. Согласно правилам охоты (2010), в охотничьих угодьях, расположенных

на островах Колгуев, Вайгач Северного Ледовитого океана и его морей, запрещается охота на гусей в период весенней охоты. Это правило, в соответствии с Федеральным законом об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, не распространяется на коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также население, не относящееся к таковым народам, но проживающее в местах традиционной хозяйственной деятельности этих народов.

Для современного периода использования охотничьих ресурсов в Арктической зоне Европейского Севера России характерно прекращение добычи пушных видов животных. Утрата интереса к добыче этих охотничьих ресурсов стала следствием постсоветских социальных и экономических преобразований в России в конце XX века, ликвидации системы государственных закупок шкур пушных зверей, обесценивания продукции пушного промысла. Прекращение функционирования обществ охотников способствовало значительному сокращению количества охотников, специализирующихся на добыче крупного хищного зверя. Обостряется проблема регулирования возросшей численности бурого медведя и волка, негативно влияющей на состояние популяции лося. Так, в Архангельской области по данным зимнего маршрутного учёта обилие лося снизилось с 53 тыс. особей в 2016 г. до 39 тыс. особей в 2018 г., а численность волка за этот же период, наоборот, выросла – соответственно с 1,1 тыс. до 1,3 тыс. особей. Вместе с тем усиливается спрос на хозяйственно-значимых млекопитающих и птиц, составляющих мясной рацион автохтонов.

Видовой и количественный состав птиц и млекопитающих, добываемых на охоте, находится в тесной взаимосвязи с естественной динамикой численности популяций этих видов. Наиболее наглядно это можно представить на примере изолированных островных арктических территорий, таких как остров Колгуев. Обилие гусеобразных птиц на острове в период с конца XIX века и по настоящее время претерпело значительные колебания. Самыми многочисленными видами гусей Колгуева и основными объектами добычи жителей острова в конце XIX – начале XX века были чёрная казарка и гуменик. В настоящее время чёрная

⁴ Государственный архив Архангельской области. Фонд 4 – Архангельское губернское правление. Опись 10. Том 1. Дела 479, 425; Том 2. Дело 689.

⁵ Обзор Архангельской губернии 1902 год. Б.м., б.г. III. С. 34.

казарка встречается у берегов острова только на пролётах; значительно сократилась численность гуменника. Белолобый гусь в прошлом по обилию был на третьем месте среди гусей, второе уступая в численности гуменнику. Теперь белолобый гусь самый многочисленный вид не только среди гусей, но и среди всех водоплавающих птиц острова. Случаи добычи белошекой казарки на о-ве Колгуев в 80-х годах прошлого столетия были единичными; этот вид встречался редко и был занесен в Красную книгу СССР (1984). Однако в первом десятилетии XIX века доля белошекой казарки в общем количестве гусеобразных птиц, добываемых на острове в сезон охоты (около 9,5 тыс. особей), составила более 30% [20]. Экспоненциальный рост численности и увеличение ареала белошекой казарки позволили орнитологам говорить об инвазии этого вида в Западном секторе Российской Арктики.

На территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа ведется любительская и спортивная охота, развивается охотничий туризм. По данным, представленным пресс-центром Правительства Архангельской области, общее количество зарегистрированных охотников двух субъектов в 2014 году составило порядка 48 тысяч человек⁶ или 3,9% от общего числа жителей этих территорий.

Занятие охотой является одним из популярных способов природопользования. Как отмечают участники опроса, в сельских поселениях охотой занимается почти всё взрослое мужское население, есть среди охотников и женщины. К занятию охотой население арктических территорий приобщается традиционно с раннего возраста. Большинство опрошенных охотников города Мезень первый опыт охоты приобрели в возрасте до 15 лет.

Количество дней, проводимых респондентами на охоте, варьируется от одного до шестидесяти и более дней в году. При этом от 1 до 10 дней на охоте обычно проводит почти четверть респондентов; от 11 до 30 дней – более половины от общей выборки; от 31 до 60 дней – менее четверти респондентов; свыше 60 дней в году

охотится одна двадцатая часть опрошенных. Весной охота ведется преимущественно на гусей во время их пролета к местам гнездований. Среди водоплавающей дичи основными объектами добычи, судя по результатам опроса охотников города Мезень (выборка 91 чел.), были: белошекая казарка (705 птиц добыто опрошенными охотниками за год), белолобый гусь (700), гуменник (471), кряква (338), чирок-свистунок (208), черная казарка (117), шилохвость (108). Наибольшее количество добываемых за год птиц, учитываемых при опросе, приходится на куропатку (1294).

Охотничьи ресурсы добываются автохтонным населением чаще всего для собственного потребления. Так, в городе Мезень на вопрос «Приходилось ли Вам покупать, продавать, обменивать добытых птиц?» значительная часть респондентов (3/4) ответила отрицательно. С утверждением, что добываемые ими на охоте гуси и утки становятся в течение нескольких дней в году основной едой в их семьях, согласилась почти четверть респондентов. В рационе питания сельских жителей продукция охоты занимает ведущее место. Согласно субъективной оценке жителей села Несь, от 40 до 70% потребляемых мясных продуктов составляет мясо гуся и куропатки, остальное – оленина.

Интерес к занятию охотой, вместе с тем, не ограничивается потребностью автохтонного населения в добыче ресурсов. Подтверждением этому служат ответы на открытый вопрос «Почему Вы считаете себя охотником?», затрагивающий проблему социокультурной самоидентификации респондентов. Для части респондентов (около 20% из 236 опрошенных) их идентификация себя как охотника определяется фактом добычи охотничьей продукции, выполнением социальной роли добытчика: «потому что я добытчик», «добываю пищу для семьи». В ответах отмечается необходимость охоты для жизнеобеспечения: «нужно охотиться, так как охотой мы живем», «для меня это источник пропитания, жизни». Среди респондентов распространено представление, согласно которому охотник считает себя таковым в связи с семейной традицией: «все предки были охотниками, и я с детства этим занимаюсь», «по роду идет, отец-охотник». Занятие охотой выступает основанием для самоотождествления себя с жителями Севера, с соответствующим

⁶ Пресс-центр Правительства Архангельской области. Министерство природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области. 22 августа 2014 г. URL: <http://dvinanews.ru/-71t4tdh4> (дата обращения: 09.07.2018).

образом жизни: «на Севере любой стоящий мужик считает себя охотником, добытчиком», «...на Севере без охоты я не считаю себя северянином», «...это часть образа жизни». Респонденты считают себя охотниками, поскольку охота для них любимое занятие, «веление души», страсть; это хобби, приносящее «чувство удовлетворения, гордости», «отдых для души». Чувство любви и сопричастности к природе также лежит в основе отношения к себе как к охотнику: «люблю природу», «нравится: природа, отдых», «люблю природу; главное не добыча, а побыть на природе, отдохнуть»; «...считаю причастным себя к природе: пропитание, общение с природой».

Самоидентификация охотников, проживающих в городе и в сельских поселениях, различается. У горожан на первом месте по числу упоминаний охота как любимое увлечение. Сельские жители считают себя охотниками, так как занимаются добычей охотничьих ресурсов, поддерживают традиции, образ жизни; реже упоминается охота как хобби. Как правило, в ответах обнаруживается присутствие сразу несколько оснований для самоопределения респондента в качестве охотника.

Основной массив предложений, комментариев к вопросам анкеты, которые респонденты могли высказать в свободной форме, отражает интересы населения по созданию более благоприятных организационно-правовых условий для занятия охотой, для добычи ресурсов. Почти половина участников опроса предложила сроки весенней охоты привести в соответствие со сроками прилета гусей. Часть охотников высказалась о необходимости усиления государственного и общественного контроля за соблюдением правил охоты, в том числе за деятельностью приезжих охотников-туристов, «...которые действуют варварскими методами».

Зависимость результативности охоты от природных, климатических условий в настоящее время приобретает особую актуальность. Изменение снегового/ледового режима делает традиционные места охоты труднодоступными. Раннее таяние снегов называется участниками экспертных интервью одной из основных причин сокращения сроков пролета и смещения маршрутов пролета гусей весной. С нарастанием частоты климатических отклонений по-

вышается вероятность несовпадения сроков пролета гусей с периодом, в течение которого допускается добыча охотничьих ресурсов весной. В этом случае устанавливаемые заранее сроки охоты становятся препятствием занятию охотой на мигрирующих птиц.

Социально-экономические преобразования арктических территорий, развитие туристического потенциала и охотничьего туризма создают предпосылки для формирования конкурентных отношений в сообществе охотников. Случаются конфликтные ситуации в связи с ограниченным количеством доступных мест для успешной весенней охоты, когда традиционные места охоты автохтонного населения используются в коммерческих целях, для создания на них туристических баз. Планируемое развитие транспортной инфраструктуры, дорожной сети арктических территорий повысит доступность охотничьих ресурсов для приезжих охотников. Согласно мнению участников экспертных интервью, это может негативно отразиться на состоянии охотничьих ресурсов и возможности занятия охотой для автохтонного населения. По мнению более чем трети респондентов, развитие охотничьего туризма не несет выгоды местному населению; в комментариях ими отмечается, что «создание туристических зон ограничивает доступ населения к местам охоты», туристы «мешают», «используют охотничий ресурс местного населения».

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, для населения Арктической зоны Европейского Севера России охота связана с интересами разного уровня — от реализации базовых потребностей (добыча пищи) до социокультурных целей (продолжение традиции, образа жизни). Практически утрачено значение охоты как товарного промысла, ресурсы добываются населением для собственного потребления. Занятие охотой само становится товаром на рынке туристических услуг.

Результаты показывают, как меняется специализация охотников, структура охотничьего сообщества. Эти изменения обусловлены, с одной стороны, природными факторами, среди которых значительное влияние имеют процессы естественной динамики численности популяций охотничьих видов: например, с увеличением численности белощекой казарки число добываемых птиц данного вида увеличилось и

превысило остальные традиционно добываемые. С другой стороны, имеют значение организационно-правовые условия и возможности сбыта продукции охоты. Так, ликвидация системы государственных закупок шкур пушных зверей и изменения конъюнктуры рынка пушно-мехового сырья привели к прекращению добычи пушных видов животных на Европейском Севере. В результате охотникам приходится адаптироваться к сложному сочетанию природных и социально-экономических условий. Эта адаптация достигается путем специализации охотников на добыче разрешенных и доступных видов животных. В итоге усиливается проблема недоиспользования одних видов охотничьих ресурсов и рисков истощения других, что в целом оказывает влияние на состояние биологических систем Арктики.

Возобновление и развитие товарного промыслового хозяйства в новых условиях глобализации экономики и усиления экологических требований представляется актуальной задачей для регионов, обладающих охотничьими ресурсами. Исторический опыт организации и правового регулирования охоты на Европейском Севере демонстрирует влияние государства на динамику добычи биоресурсов в различных институциональных условиях. В настоящее время созданы возможности для арендных отношений в охотничьем хозяйстве, развития охотничьего туризма. При этом остается потребность в гарантированном сбыте продукции охоты, необходимом для обеспечения доходности охоты как традиционного вида хозяйственной деятельности и природопользования автохтонного населения Арктики.

Литература

1. Штильмарк Ф.Р. Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики // Гуманитарный экологический журнал. 2001. Т. 3. Спецвыпуск. С. 127-128.
2. Decker, D.J., Stedman, R.C., Larson, L.R., & Siemer, W.F. Hunting for wildlife management in America: Shifting perspectives and future outlook. *The Wildlife Professional*, 2015, no. 9 (1), pp. 26-29. URL: https://lrl.people.clemson.edu/WebFiles/Decker.etal.2015_TWP-HuntinginAmerica.pdf (дата обращения: 30.05.2018)
3. Milbourne P. Hunting ruralities: Nature, society and culture in 'hunt countries' of England and Wales. *Journal of Rural Studies*, 2003, vol. 19, no. 2, pp. 157-171. URL: [https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(02\)00054-2](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(02)00054-2) (дата обращения: 30.05.2018)
4. Андреев М.Н. Численность охотничьего населения Европейской России и Урала // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2005. № 6. С. 124-128.
5. Винобер А.В. Охотничье хозяйство: будет ли эпоха возрождения? // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2016. № 1. С. 5-16.
6. Величенко В.В. Вопросы эколого-экономической оценки природных ресурсов охотничьего хозяйства. Якутск: Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2010. 128 с.
7. Ерофеева И.В., Бочарников В.Н. Охота как рефлексия человека в концептуализированной сфере дискурса специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1. С. 144-152.
8. Ericsson G., Heberlein T.A. "Jägare talar naturens språk" (Hunters speak nature's language): A comparison of outdoor activities and attitudes toward wildlife among Swedish hunters and the general public. *Zeitschrift für Jagdwissenschaft*, 2002, no. 48, supplement 1, pp. 301-308. URL: <https://doi.org/10.1007/BF02192422> (дата обращения: 30.05.2018)
9. Larson L.R., Decker D.J., Stedman R.C., Siemer W.F., Baumer M.S., Enck J.W. *Hunter Recruitment and Retention in New York: A Framework for Research and Action. Human Dimensions Research Unit Series Publication 13-04*. Department of Natural Resources, Cornell University, Ithaca, New York, 2013. 72 p. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/279138482/?*=eYCGrhbN8qgnUAdcSicCTHdjmQx7InVybcI6InlhLW1haWw6Ly8xNjU1MDcyODYzMDU4NzYwMDIvMS4zIiwidG10bGUiOiJIRFJVUmVwb3J0MTMtNC5wZGYiLCJ1aWQiOiIyNzIxMzgzODIiLCJ5dSI6IjMwNTk0NDY3MTE1MTE3NzQ0NjAiLCJub2lmcFtZSI6ZmFsc2UsInRzJloxNTI0MjMwMDc3MzgzfQ%3D%3D (дата обращения: 30.05.2018)
10. Stedman R.C., Heberlein T.A. Hunting and rural socialization: contingent effects of the rural setting on hunting participation. *Rural Sociology*, 2001, vol. 66, no. 6, pp. 599-617. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1549-0831.2001.tb00086.x> (дата обращения: 30.05.2018)

11. Larson L.R., Decker D.J., Stedman R.C., Siemer W.F., Baumer M.S. Exploring the social habitat for hunting: A comprehensive view of factors influencing hunter recruitment and retention. *Human Dimensions of Wildlife*, 2014, no. 19 (2), pp. 105-122. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10871209.2014.850126>
12. Сыроечковский Е.Е., Клоков К.Б. Использование метода анкетирования для изучения влияния охоты на водоплавающих птиц в Российской Арктике // Казарка: бюллетень рабочей группы по гусеобразным Северной Евразии. М: МГУ им. Ломоносова, 2010. Том 13. С. 76-103.
13. Копцева Н.Ф. Экспертная оценка экологической ситуации, характерной для коренных малочисленных народов Сибирской Арктики (на материалах Красноярского края) // Экология человека. 2017. № 6. С. 30-35.
14. Трудов Ю.Н. Оценка туристического потенциала охотничьего хозяйства региона (на примере Вологодской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 113-118
15. Об эпизоотической ситуации по бешенству в оленеводстве Ненецкого автономного округа / Т.М. Романенко, В.В. Ануфриев, Ю.П. Вылко, К.А. Лайшев, М.В. Ивкина // Вестник ГАУ Северного Зауралья. 2016. № 1 (32) С. 91-98.
16. Дерелиев С. Афро-евразийское соглашение по водно-болотным птицам: почему России необходимо присоединиться к договору? // Первый Всероссийский орнитологический конгресс: тезисы докладов (г. Тверь, 29 января – 4 февраля 2018 г.). Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 94-95.
17. Копылов М.Н., Копылов С.М., Мохаммад С.М.А. Международные режимы международного экологического управления: постановка проблемы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруд. 2015. № 2 (27). С.138-150.
18. Балян М.Г. Экологическая доктрина России в русле решения мировых проблем охраны окружающей среды в условиях глобализации // Закон и право. 2008. № 7. С. 98-99.
19. Фоменко Г.А. Управление природоохранной деятельностью: основы социокультурной методологии. М.: Наука, 2004. 390 с.
20. Ануфриев В.В. Ресурсы охотничьих животных островов Колгуев и Вайгач // Русский орнитологический журнал. 2016. Том 25. Экспресс-выпуск 1259. С. 860-865.

Сведения об авторах

Владимир Валерьевич Ануфриев – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 109; e-mail: vvanufriev@yandex.ru)

Галина Викторовна Михайлова – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 109; e-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru)

Руслан Александрович Давыдов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лавёрова РАН (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 109; e-mail: nordhistory@mail.ru)

Станислав Борисович Киселев – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: stak0607@list.ru)

Anufriev V.V., Mikhailova G.V., Davydov R.A., Kiselev S.B.

Impact of Socio-Economic and Environmental Changes on the Use of Hunting Resources by the Autochthonous Population of the Arctic

Abstract. The state and possibilities of use of hunting resources are of great cultural and socio-economic importance for the indigenous population of the North; they also affect the safety of people living in sparsely populated Arctic territories. The paper considers the historical experience of organization and legal regulation of hunting as a type of economic activity in the Arkhangelsk Governorate [*Arkhangelskaya guberniya*] in the 19th – early 20th century; it also provides the quantitative and cost characteristics of hunting resources. We present the results of sociological surveys of hunters from Nenets Autonomous Okrug and the Arkhangelsk Oblast conducted in 2015–2016, the data on the population status of game animals hunted by people in the Arctic territories. Hunting in the Arkhangelsk Governorate was most developed in Pinezhsky, Pechorsky, and Mezensky counties [*uezdy*]; there was almost no government intervention in this activity until the end of the 19th century. It was assumed that a small number of hunters (less than 3% of the population of the Governorate) can not cause irreparable damage to the population of game animals. Currently, amateur and sports hunting and hunting tourism are developing in the Arkhangelsk Oblast and in Nenets Autonomous Okrug. The number of registered hunters is about 4% of the total population of these territories. Hunting resources are used more often for own consumption. Geese and ducks for a quarter of respondents become the main food in their families for several days a year. To rural residents, hunting is determined by both basic needs (food production) and socio-cultural goals (continuation of family tradition, lifestyle). To urban residents, hunting is mainly their hobby. The development of hunting tourism, according to one third of respondents, does not benefit the local community. The number of hunters and their specialization are determined by organizational and legal conditions and by the opportunities for the sale of hunting products. The problem of underutilization of some types of hunting resources and the risk of depletion of others is aggravating.

Key words: Arctic territories, socio-economic conditions, natural and climatic changes, rational nature management, autochthonous population, hunting resources, tourism.

Information about the Authors

Vladimir V. Anufriev – Candidate of Sciences (Biology), head of laboratory, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (109, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: vvanufriev@yandex.ru)

Galina V. Mikhailova – Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (109, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: g.mikhaylova23@yandex.ru)

Ruslan A. Davydov – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (109, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: nordhistory@mail.ru)

Stanislav B. Kiselev – Senior Lecturer, St Petersburg University (5, Mendeleevskaya Liniya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: stak0607@list.ru)

Статья поступила 16.07.2018.